

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

средневековый воин

А.В.Ю. Корчан

Вооружение
времен Карла
Великого и
Крестовых
походов

А. В. Норман

**Средневековый воин.
Вооружение времен Карла
Великого и Крестовых походов**

«Центрполиграф»

Норман А. В.

Средневековый воин. Вооружение времен Карла Великого и Крестовых походов / А. В. Норман — «Центрполиграф»,

Книга Нормана посвящена истории средневекового воина с начала вторжения варваров в Европу и до последних Крестовых походов. На основе документальных свидетельств эпохи автор прослеживает развитие военной системы от разрозненных отрядов варваров V – VI вв. до прекрасно организованной армии XII – XIII вв. Детально рассматривая образ жизни, традиции, кодекс поведения средневекового воина, особое внимание Норман уделяет эволюции его боевого вооружения.

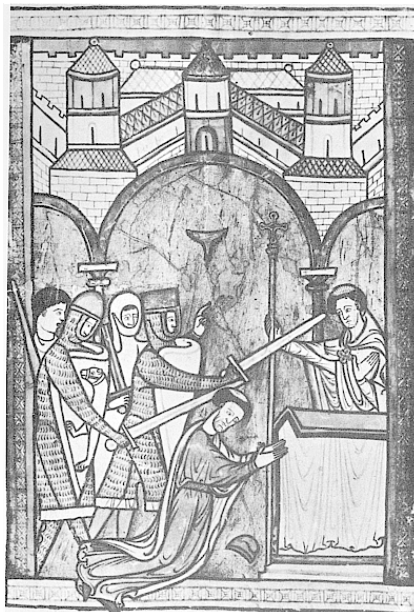
Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Ранние франки	12
Организация	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

А.В.Б. Норман

Средневековый воин. Вооружение времен Карла Великого и Крестовых походов

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Убийство св. Томаса Бекета, из Латинской псалтири, созданной в Англии примерно в 1200 г. Два шлема имеют защиту лица. Код хранения – Herley Ms. 5102, f. 32. (Воспроизводится по разрешению попечителей Британского музея.)

Моим крестным дочерям Линнет и Джоанне и моей племяннице Джоанне

ВВЕДЕНИЕ

Военная система на большей части территории Западной Европы в XII – XIII веках была феодальной; это означает, что она основывалась на владении землей в обмен на военную службу господину. Владелец земли жил за счет сельскохозяйственного труда (барщина) и продуктов (оброк) своих крестьян (мог быть также и денежный оброк). За это феодал защищал своих крестьян от набегов, оборонял королевство во время войны, а также осуществлял правосудие в пределах своих владений. Существовало три важных элемента феодальной организации. Во-первых, это были графы, которые поначалу являлись королевскими должностными лицами в данном районе; во-вторых, это были рыцари, защищенные латами кавалеристы, из которых формировался костяк любой феодальной армии; и, в-третьих, замок. Замки в данной книге не рассматриваются и упоминаются только в связи с гарнизонной службой рыцарей в замках своих сеньоров.

Данная система развивалась очень неровно. К примеру, она получила большее развитие во Франции, чем в Германии, в то время как в Скандинавии существовали лишь некоторые ее черты, тогда как другие отсутствовали. Произошла эта система от племенной военной системы германских варваров, вторгшихся в свое время в Римскую империю, а также от традиций римской военной организации, которые сохранились, к примеру, в городах Франции и Италии. Через много лет после распада Римской империи ее авторитет был все еще высоким и оказывал значительное воздействие на образ мысли тех, кто жил на ее бывших территориях. (Тем более что сохранялась Восточная Римская империя со столицей в Константинополе. – *Ред.*)

Необходимость защищать границы больших стран, таких как государство Карла Великого, во времена, когда любые путешествия были медленными, а результат их непредсказуем и когда централизованная власть только зарождалась, привела к назначению королевских наместников, называемых графами. Эти люди имели значительную власть, позволявшую им организовать оборону своих районов. Во времена большой войны графы были обязаны являться в королевскую армию со своим отрядом. Позднее, при слабых преемниках Карла Великого, институт графов и владение ими землей стали наследственными.

Рыцарство, чей кодекс поведения управлял жизнью средневековой аристократии от самого короля до рыцаря (самый мелкий дворянский титул, ниже баронета. – *Пер.*) с определенными понятиями чести и доблести, появилось от синтеза кротких идеалов христианства и военных обычаев варваров темных германских лесов (далеко не только германских лесов, но также иранцев (сарматов, аланов), кельтов и славян. – *Ред.*). Церковь освящала клятву верности сеньору, которая имела происхождением клятву верности вождю германского (или иного. – *Ред.*) военного отряда. Церковь смогла направить буйную и воинственную энергию западного рыцарства в великие предприятия по освобождению Святой земли от мусульман, что было во многих отношениях главной задачей начала Средневековья. В первой части этой книги я попытался описать элементы, из которых развились феодализм и рыцарство, организацию и идеалы германских племен, а также их вооружение. Вторая часть имеет дело с организацией, вооружением, обучением и идеалами рыцарства и сопровождавших их солдат в период заката феодализма, когда рыцари превратились в обыкновенных наемников.

Книга, призванная описать историю значительной части Европы сравнительно большого периода времени, не может быть написана без помощи и совета друзей и коллег, поскольку фактов слишком много, чтобы их все можно было обработать одному. Было бы большой благодарностью не упомянуть тех, кто посвятил много своего времени помощи. Я очень благодарен миссис Лесли И. Вебстер, помощнице хранителя отдела британских и средневековых древностей в Британском музее, за просмотр в рукописи разделов, посвященных франкам, викингам и саксам, и за множество очень полезных предложений; господину И.Х.Х. Арчи-

бальду, заместителю начальника Отдела картин в Национальном морском музее в Гринвиче, за советы по поводу кораблей; мисс Аманде Томлинсон из Библиотеки Конвея в Институте искусств Куртолда в Лондонском университете и мисс Алисон Стоунс, которая ныне работает в Отделе истории искусств в Университете Миннесоты, за советы по поводу датировки рукописей; господину Дону Поттингеру, служащему в коллегии герольдии «Единорог», за разрешение повторно использовать его рисунки, первоначально подготовленные для нашей книги «От воинов к солдатам» (в американском издании название было «История войны и оружия, 1449 – 1660»).

Есть два человека, которым я особо благодарен: моей жене, Кэтрин Бэрн, за ее терпение и доброту при чтении и исправлении моих рукописей, а также за множество предложений по улучшению их и господину Клоду Блэру, заместителю хранителя отдела металлических изделий в Музее Виктории и Альберта, за то, что он также прочел мою рукопись – критически, но благожелательно – и предоставил мне информацию о полезных литературных источниках с материалами о дошедших до наших времен образцах вооружения.

Миссис Хильда Р.И. Дэвидсон была столь добра, что позволила мне цитировать свою бесценную книгу «Меч в англосаксонской Англии», абзац с описанием мечей, посланных Варни императору Теодориху. Издательство «Пэнгвин Бук» также весьма любезно позволило мне использовать цитаты из Х. Мэттингли «Тацит о Британии и Германии» и из М.Р.Б. Шоу «Жуан-виль и Виллардуэн: хроники Крестовых походов». Я весьма благодарен доктору Р. Аллену Брауну за то, что он привлек мое внимание к абзацу в книге Роберта Вайса «Роман о Ру», описывающему высадку норманнов в Певенси.

Часть первая НАЧАЛО ФЕОДАЛИЗМА

Глава 1 ЛАНГОБАРДЫ

Из великих германских народов, которые перемещались по Западной Европе в V – VI столетиях, самый яркий след, возможно, оставили франки на севере и лангобарды на юге. (Наверное, самый яркий след (из германцев) оставили все же вестготы. С них, по большому счету, и начался кризис Римской империи, приведший к гибели ее западной части: 378 – битва под Адрианополем, 410 – захват Рима, 419 – образование Тулузского вестготского королевства. Франки и другие лишь пожинали плоды процесса, начало которому положили вестготы. – *Ред.*) Вестготы в Испании имели небольшую численность и были отделены религией от основной массы народа, которым они управляли, что сделало неустойчивым их королевство, из-за чего им пришлось в начале XVIII века отойти на север Пиренейского полуострова под натиском арабов. (Государство вестготов было вполне жизнеспособным, но в ходе тяжелой войны 711 – 718 годов арабы завоевали почти весь Пиренейский полуостров, но в 718 году были разбиты под Ковадонгой – здесь началась Реконкиста – до 1492 года, когда захватчики были выбиты с испанской земли. – *Ред.*). Вандалы не смогли удержать свои владения на побережье Северной Африки. (Вандалы, как и остготы в Италии, не устояли перед мощью Восточной Римской (Византийской) империи, на время вернувшей эти земли. – *Ред.*) Эти народы добавили себе трудностей грубым обращением с местным населением и преследованием всех, кто не придерживался арианской веры¹.

Лангобарды, или ломбарды, в начале I века жили по левому берегу нижнего течения Эльбы. В начале V века они передвинулись в бассейн среднего течения Дуная. В 552 году, когда 5500 лангобардов прибыли в Италию в качестве наемной конницы в войско византийского полководца Нарзеса, они, по всей видимости, заметили плодородие местных земель и их плохую защиту. Теснимые аварами, пришедшими в Среднюю Европу с востока в 557 году, лангобарды в 568 году вместе с присоединившимися к ним группами других германских и славянских племен начали вторжение в Италию. И вскоре равнины Северной Италии получили название Ломбардия. Только несколько городов, в которых были гарнизоны империи – такие, как стоящие среди болот Павия и Падуя, – смогли какое-то время сдерживать натиск. Повсюду в Италии продвижение лангобардов было разным по успешности и часто отражалось местными герцогами, в результате чего заселение было осуществлено неравномерно, так что римские города и поселения лангобардов перемежались друг с другом.

Около 643 года король Ротари собрал свои законы в единый кодекс («Лангобардская правда»). Этот кодекс важен для нас тем, что позволяет судить о социальной организации племен, о герцогах и военных лидерах, о *schultheus*, или управляющих поместьями, об администраторах сельских районов; о королевских *castaldus*, администраторах городов; о свободных лангобардах, уже называвшихся «баронами»; о простолюдинах, зависимых от короля или герцога, о *gaisindi*, как называли военные группы в Северной Европе; о людях, известных как *aldii* (не полностью свободное население на землях, занятых лангобардами, – видимо, потомки

¹ Арианская ересь, названная в честь первого ее проповедника Ария (IV в.), основывалась на мысли, что Христос был сотворен Богом и потому Он не творец, а всего лишь тварь. Кроме того, раз Христос имеет начало, значит, Он не вечен, и Его природа и силы другие, нежели у Бога Отца.

исконного римского населения). Каждая группа населения четко различалась по ее вергельду² – плате, которая должна была производиться в случае убийства убийцей господину убитого или его родственникам. В этих и более поздних законах часто упоминаются лошади, что говорит о важности для лангобардов лошадей. Лошадь со сбруей оценивалась в сумму равную стоимости вергельда двух домашних рабов, и составляла две трети вергельда за свободного лангобарда, стоящего в самом низу социальной лестницы. Большинство погребений лангобардов-мужчин содержит седла и упряжь.

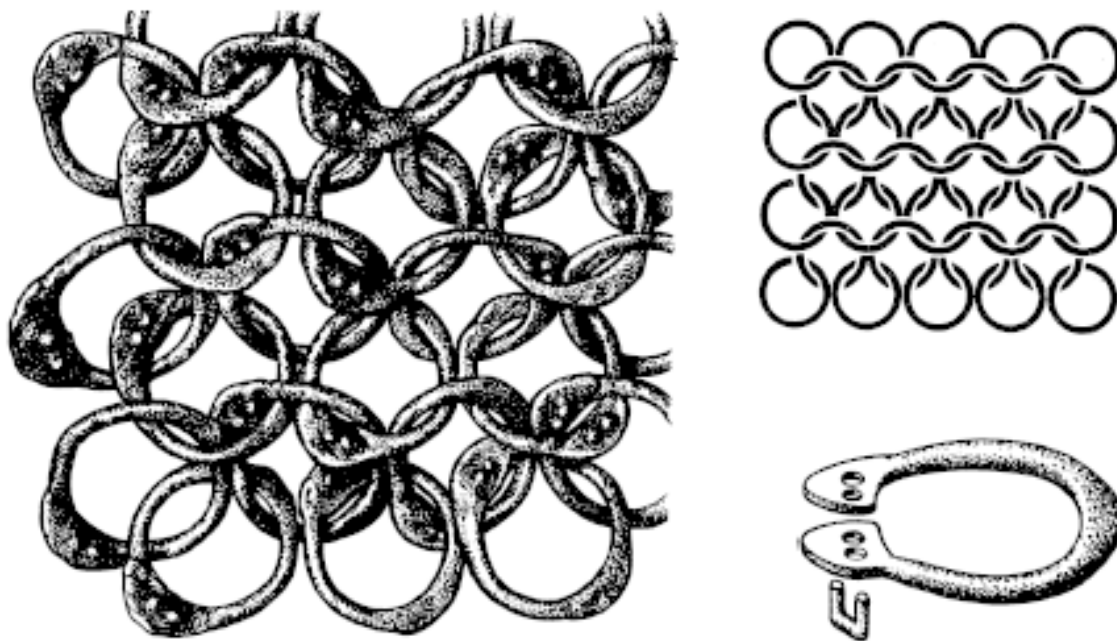

Рис. 1. Часть кольчуги, которая хорошо иллюстрирует процесс изготовления. Чаще использовались простые прямые заклепки

Хотя лангобарды обычно воевали верхом на лошади, временами они действовали как пехота, как под командой Нарсеса при Тагинэ (552), где они создали прочное ядро копейщиков в центре боевого порядка византийского войска. Павел Диакон (ок. 720 – 799, историк лангобардов. – *Ред.*) писал примерно в 790 году, что лангобарды надевают металлический шлем, *logica* или нательные латы, и *osteа*, или ножные латы. При раскопках в замке Трозино в Центральной Италии было найдено несколько кусков лат, которые были захвачены лангобардами в 578 году. Среди этих кусков есть нательные латы, которые изготавливали из множества крошечных узких пластин, связанных друг с другом кожаными полосками так, что одна пластина перекрывала соседние. В том же погребении находилось кольцеобразное основание шлема, из которого поднимались полосы, сходящиеся вместе на макушке головы. На самом вершине шлема располагался узкий цилиндр, в который вставлялось перо. Также в этой могиле были найдены ручка и умбон щита, меч 92 см длиной, четыре наконечника стрелы, два ножа, наконечник копья в 27,5 см длиной (широкий, похожий на лист) и пара шпор. Другие воины в этом погребении были вооружены не столь роскошно, не было также найдено никаких других следов нательных лат или шлемов, кроме небольшого куска кольчуги. Кольчуга представляла собой гибкий доспех, изготовленный из множества маленьких взаимосвязанных колец из железной проволоки: каждое кольцо проходило через четыре соседних и на конце было соединено маленькими заклепками, проходящими через оба конца куска проволоки, из кото-

² Слово *wergild* фактически является древнеанглийским, но здесь оно используется для указания этой разновидности штрафа у германских народов.

рой изготовлялось кольцо – там, где концы перекрывались (рис. 1). Кольчуга довольно часто встречается в римских городах, можно наверняка сказать, что в Северной Европе она появилась в III – IV столетиях до н. э., поскольку именно к этому времени относятся жертвенные хранилища в Хьертспринге и Торсберге в Дании. Могила, в которой была обнаружена упомянутая кольчуга лангобардов, содержала, напомним, также меч, нож, остро заточенный наконечник длиной 35 см, умбон и часть железного обода щита.

В могиле в Носера-Умбра второй половины VI или начале VII века было обнаружено кольцеобразное основание шлема, к которому была прикреплена полоса, останавливавшая меч и предохранявшая нос от удара. Более или менее полный шлем этого типа был обнаружен в аварской могиле в Керчи в Крыму, а другой, аналогичной конструкции, был найден в алеманнской (алеманны – одно из германских племен. – *Пер.*) могиле в Нидерштотцингене в Вюртемберге, юг Германии.

Воины в куполообразных шлемах, облаченные в доспехи до колен и с длинными рукавами, изготовленными из рядов множества узких вертикальных пластин, показаны на позолоченном кольцеобразном основании шлема, найденном около Лукки в Италии. На этом основании шлема написано имя короля лангобардов Агилульфа (590 – 615). Похоже на то, что шлемы изготовлялись из множества пластин в виде сегментов и дополнялись закрывающими щеки пластинами, как на шлеме из Керчи. Султаны, сделанные из лошадиного волоса, развевались на вершине шлема. Воины, имевшие эти шлемы, несли круглые щиты с центральными умбонами.

Умбоны щитов из этих погребений имели железные полусферические или конические чашеобразные части, которые на концах загибались, чтобы можно было прикрепить их к щиту при помощи пяти больших заклепок. Сам щит был изготовлен из дерева и, возможно, покрывался кожей. Рукоять (скоба) располагалась напротив углубления в умбоне, и от нее к концам щита отходили два длинных ремня.

Было обнаружено большое количество копий, в основном с наконечниками в виде широких лавровых листьев или с длинными заостренными треугольными лезвиями, причем в обоих случаях наконечник усиливался центральным ребром. Второй тип наконечника иногда имел короткие крючки или расходящиеся в стороны крылышки. Согласно Павлу Диакону, эти копия были достаточно крепкими, чтобы поднять противника из седла и держать его в воздухе.

Рукояти большинства найденных в могилах Ломбардии мечей с заточенными с двух сторон клинками до наших дней не сохранились, но в относящихся примерно к 600 году могилах в Носера-Умбра в Ломбардии были обнаружены двое ножен с позолотой. Оба меча имели прямые перпендикулярные перекрестья, предохраняющие руку от удара мечом противника, но эти перекрестья были изготовлены из какого-то непрочного материала, который к нашему времени исчез. Форму этих перекрестий, однако, можно представить по золотым пластинам, прикрепленным заклепками выше и ниже каждого перекрестья. Найденные мечи того же часто встречающегося типа из других районов имели перекрестье из дерева или рога, и это перекрестье защищалось аналогичными пластинами. Рог на редкость трудно резать, а целью перекрестья было предохранение руки от соскальзывания на клинок (помимо определенной защиты в бою – от скользящего удара мечом противника и др.). Навершие рукояти служило одновременно и противовесом для клинка, и защитой кисти руки от повреждения концом хвостовика – узкой части клинка неподалеку от рукояти. (Клинок изготовлялся так, что сужался к концу, проходил сквозь рукоять и расклепывался на конце меча; эта расклепанная часть была хвостовиком клинка, от которого требовалось защитить руку; руку защищало так называемое навершие.) Конец узкой части клинка, проходящий внутри рукояти, резко расходился в стороны за полосой навершия рукояти, что фиксировало клинок. Этот конец был скрыт рукоятью, имевшей цилиндрическую форму и прикрепленной заклепками. Рукояти из Носера-Умбра имеют небольшие фиксированные кольца, прикрепленные на одном конце к верхней части рукоятей.

Такого рода кольца были развитием обычных колец, аналогичным образом прикреплявшихся к скандинавским рукоятям и другим находкам, обнаруженным в Англии.

Глава 2 ФРАНКИ

Ранние франки

Франки пришли в римскую Галлию из района к северу от Трира, Кельна и Майнца в IV веке поначалу как военные колонисты, или федераты, Римской империи для того, чтобы защищать границу от родственных франкам варварских племен. Позднее они расселились в Восточной Галлии. (В 451 году франки участвовали на стороне римлян (во главе с Аэцием) в грандиозном сражении на Каталаунских полях, где гунны и их союзники, ведомые Атилой, были разбиты. – *Ред.*) К 476 году, когда Западная Римская империя пала, к западу от земель, где расселились франки, оставался последний анклав империи в Галлии, управляемый галло-римскими патрициями из Суасона (так называемое государство Сиагрия). Почти вся Южная Франция вплоть до Луары входила в вестготское королевство, которое на юге простиралось до Гибралтара и занимало почти весь Иберийский (Пиренейский) полуостров, кроме земель басков в западных Пиренеях, кантабров на севере, свевов на территории современных Галисии и Северной Португалии.

Франки представляли собой не привязанную к одному месту группу языческих германских племен, управляемых вождями, утверждавшими, что они происходят от вождя Меровея (отсюда династия Меровингов. – *Ред.*) (под его руководством и верховным командованием римского полководца Аэция франки сражались в 451 году на Каталаунских полях. – *Ред.*). Франки были известны коварством и нарушением клятв. Несмотря на продолжительные контакты с римлянами на Рейне и службу в императорской армии, римская культура и римские законы оказали на франков сравнительно малое влияние. Так продолжалось до правления внука Меровея Хлодвига в 481 – 511 годах, когда франки были собраны под властью одного человека. Хлодвиг стал наследником своего отца Хильдерика в возрасте шестнадцати лет и сразу же приступил к делу своей жизни, в 486 году захватив последний осколок империи в Галлии – Суасонскую область. Затем Хлодвиг разбил алеманнов, отбросив их за Рейн. В 507 году он повернул на вестготов, которыми правил король Аларих II – под предлогом защиты католичества от арианской ереси, поскольку сам Хлодвиг к этому времени принял католичество (496). В 507 году в битве при Вуйе (у Пуатье) вестготы были разгромлены, Аларих II пал в бою. Франки вытеснили вестготов из Галлии (кроме Сентимании на юге с городом Нарбон).

Хлодвиг был только одним из великих германских «отцов-основателей», чьи действия оказались успешными, и эти успехи не в последнюю очередь объяснялись тем, что Хлодвиг и его дружина (а затем и народ) были обращены в католичество и таким образом получили религиозные симпатии своих римских подданных, чего не было у готов, лангобардов и вандалов, поскольку все они являлись арианами (лангобарды постепенно склонялись к католичеству). Личный авторитет Хлодвига упрочился в 508 году подарком диадемы и одежд от императора Анастасия, который надеялся сделать Хлодвига своим союзником против остготов в Италии. Это дало власти Хлодвига в глазах его римских подданных в Галлии видимость законности.

Самый ранний из сохранившихся письменный кодекс законов франков, относящийся, по всей видимости, к концу правления Хлодвига, ничего не говорит о военной роли римлян галльского происхождения, но Прокопий в своей «Истории готской войны», написанной во второй половине VI века, утверждает, что в 539 году галло-римские города посылали свои контингенты в армию франков под своими древними знаменами и вооруженными как римляне. По всей видимости, к концу VI века большая часть армии франков состояла из галло-римлян. Бургундские союзники франков в VI столетии имели галло-римского полководца, Евния Мум-

молия, а к 636 году один из двенадцати герцогов армии франков именовался «римским»; возможно, он был уроженцем Аквитании. Является установленным фактом, что в 605 году главный чиновник королевского двора – а, таким образом, и королевства, – майордом Протадий, был галло-римлянином.

Когда франки впервые осели там, где сейчас находятся Северная Франция и Рейнланд, они, похоже, недалеко ушли от описания германских племен, данного Тацитом около 98 года («Германия»): «Только несколько человек использовали мечи или копья. Копья, которые они несли – *framae* на их языке, – имели короткие и узкие наконечники, но были столь острыми и удобными в обращении, что то же оружие в случае нужды служило и для ближнего, и для дальнего боя. Всадникам требовались всего лишь копье и меч, но у пехоты были также дротики для метания, по несколько штук на человека; дротики можно было метать на большие расстояния, поскольку пехотинцы были либо обнажены, либо имели легкое облачение из плащей. В их одежде не было ничего показного. Только щиты были раскрашены в разные, тщательно выбранные цвета». Далее Тацит продолжает, что лишь немногие германцы имели нателные доспехи (*logicae*), «... лишь иногда вы увидите металлический или кожаный шлем (*cassis et galea*)... Они избирают себе королей по благородству происхождения, вождей по их доблести... Что касается вождей, то их личные качества, а не власть вызывают особое к ним уважение – их энергия, их особенности, их присутствие в первых рядах во время сражения». Когда юноша достигал определенного возраста, его вооружал щитом и копьем один из вождей, отец или родственник. После этого юноша становится способным вступить в военный отряд вождя – либо своего, либо соседнего племени, – где начинал бороться со своими товарищами за право быть в первой шеренге. Для вождя «показателем его власти и звания является свита из лучших юношей... Вождь может получить известность и славу большим числом и знатностью своих спутников не только среди своего собственного народа, но также и в соседних странах».

«На поле битвы для вождя является позором, если его воины превзойдут его в отваге, для воинов является позором, если они в отваге будут уступать вождю. Если воин покидал поле битвы живым, когда его вождь погибал в сражении, *это* означало пожизненные бесчестье и позор. Защита вождя в ущерб собственному желанию отличиться в бою – вот что на самом деле понималось под «преданностью». Вожди боролись ради победы, воины вождя – ради своего вождя...»

Воины очень часто апеллировали к щедрости своих вождей. Это обычно были просьбы «дай мне этого боевого коня» или «дай мне это окровавленное и победоносное копье». Что касается совместных пиров – с обильным, но простым столом, – то это воспринимается, естественно, как плата... Человек обязан продолжать традицию кровной мести так же, как и поддерживать дружеские связи отца и родственников. Но кровная месть не может быть бесконечной. Даже убийство могло быть улажено за определенное количество крупного рогатого скота или овец, после чего семья убитого не имела больше претензий»³.

Свидетельства подобного рода документов и описаний современников позволяют предположить, что к V веку франки мало изменились. (Изменились, и сильно – после службы «федератами», битвы на Каталаунских полях и др. – *Ред.*)

Сидоний Аполлинарий, епископ Оверни (ок. 430 – 487/488) утверждал: «Франки – рослое племя, они облачены в тесно облегающую одежду. Их талию окружает пояс. Они метают свои топоры и бросают свои копья с большой силой, никогда не промахиваясь мимо цели. Они управляют со своими щитами с большой ловкостью и обрушиваются на противника с такой скоростью, что кажется, что они летят быстрее, чем их пики».

Византийский поэт и историк Агафий Миринейский (536 – 582) в своей «Истории», написанной примерно в 570 году, писал, что вооружение франков было очень простым и они

³ *Mattingly H.* Tacitus on Britain and Germany. Penguin Books, 1948. P. 105, 106, 112 – 113, 118.

не имели ни нательных доспехов, ни поножей, так что их ноги были закрыты только полотном или кожей. Большинство франкских воинов было с непокрытой головой, а шлемы были редки. Грудь и спина были обнажены до талии. Но Григорий Турский (538 – 594) несколько раз упоминает франков, на которых были нательные доспехи, поскольку граф Лодас сильно поразил его тем, что вошел в церковь полностью вооруженным, в шлеме и доспехах. Он также критически высказался относительно епископов Салония и Сагиттария, которые вооружились не только святым крестом, но также имели шлемы и доспехи (*logica*). Агафий продолжает, что франки воевали верхом очень редко и что их национальной традицией было участие в сражении в пешем строю, где они действовали весьма успешно. Император Лев VI в своей «Тактике», возможно цитируя не дошедшую до нас версию «Стратегикона» (ок. 580) (авторство «Стратегикона» долго приписывалось императору Маврикию (582 – 602). Однако позже было доказано, что Маврикий не автор этого трактата. В исторической литературе автора называют Псевдо-Маврикием. – *Ред.*), пишет, что германские народы несли мечи на наплечном поясе, но некоторые использовали пояс на талии. Агафий пишет, что у франков не было ни луков, ни пращей, ни какого-либо метательного оружия, кроме топоров с двумя лезвиями и такого оружия, как ангон, которым они пользовались очень часто. Судя по описанию Агафия, ангон представлял собой копье средней длины, которое можно было использовать как дротик или как колющее оружие в ближнем бою, как этого требовала обстановка. Большая часть древка была покрыта железом, а наконечник имел зазубрины. Когда ангон бросали и он попадал в цель, наконечник было почти невозможно вынуть из раны из-за его зазубрин, что вело к ужасным ранениям, обычно оказывавшимся смертельными. Если такое копье попадало в щит, оно повисало на нем, а конец копья волочился по земле. Воин, в чей щит вонзился ангон, не мог вытащить его из-за зазубрин, не мог он и перерубить древко из-за того, что «он не мог достать до дерева, поскольку оно было покрыто железом». Когда франкский воин видел противника в таком затруднительном положении, он поспешно ставил ногу на волочащееся древко, лишая тем самым противника возможности прикрывать щитом голову и грудь. После этого, используя столь благоприятную возможность, он убивал своего не защищенного щитом противника либо ударом топора по голове, либо колющим ударом в горло вторым копьём. Прокопий Кесарийский (конец V века – 562), который являлся советником и секретарем византийского полководца Велисария, описывая силы франков, ведомые в Италию Теодобертом I в 539 году, утверждал, что «было всего несколько всадников, и их король держал при себе: только они держали копья. Остальные составляли пехоту, у которой не было ни копий, ни луков; они были вооружены только мечами, щитом и метательными топорами». По его описанию, лезвия топоров были большими, рукояти из дерева и очень короткие.

Хотя как Агафий, так и Прокопий говорят о редкости кавалеристов в армии франков, *Notitia Dignitatum*, относящаяся примерно к 400 году, упоминает два отряда кавалерии франков, получавших жалованье от римлян; один отряд размещался в Египте, второй – в Месопотамии. (То есть в данных двух случаях в армии Восточной Римской империи (в 395 году Римская империя окончательно разделилась на Западную и Восточную). – *Ред.*) Описывая 507 год, Григорий Турский утверждал, что Хлодвиг, пересекая территорию Тура, чтобы напасть на вестготов, издал строгое приказание, чтобы ни один солдат не брал что-либо на этих землях, кроме воды и фуража, что заставляет предполагать, что в армии Хлодвига были лошади.

Во многих погребениях франков часто встречается копье, которое, по-видимому, и есть описываемый летописцами ангон. Судя по внешнему виду, эта разновидность копья, вероятно, происходит от римского копья пилума. (Пилум использовался аналогично, лишая противника щита. – *Ред.*) Наконечник с зазубринами изготавливался как единое целое с железной частью древка, составлявшей обычно 80 – 90 см в длину (именно такой вид имел и пилум). Временами эта часть много длиннее и имеет гнездо для короткого деревянного древка. Утверждение

Агафия, что древко было сделано из дерева, покрытого железом, не подкрепляется находками из погребений. Наконечник ангона обычно имеет два длинных ряда узких зубрин.

Второе копьё, упомянутое Агафием и описанное Прокопием как оружие конницы, по всей видимости, представляло собой копьё с тяжелым наконечником, имевшим форму листа. Копьё такого рода встречается в захоронениях вместе с копьём ангоном. Целое копьё, найденное в могиле в Оберфлахте, Германия, имело более 2 м в длину.

Полное вооружение вождя франков начала VI века может быть воссоздано по находкам в могиле в Крефельд-Геллепе в Рейнланде. Оно включало, помимо прочего, шлем с пластинами, закрывающими уши. Шею прикрывала кольчуга, созданная, по всей видимости, по восточно-римской модели и, скорее всего, привозная, поскольку несколько такого рода кольчуг было найдено за пределами территории франков. Оружие франкского вождя представлено коротким мечом, тяжелым копьём, ангоном, двумя ножами в отдельных ножнах, но на одном крюке, и легким топором (секирой) для метания франциской (франциска могла быть с одним и двумя лезвиями, к ней привязывалась веревка, за которую франкский воин мог подтягивать секиру после метания на близкую дистанцию. – *Ред.*). Сохранились также остатки ножен для длинного меча, украшенных гранатами. Сохранившиеся железный умбон и ручка (скоба) показывают, что у вождя был еще и щит⁴.

Куполообразный шлем состоял из шести перевернутых Т-образных секций из бронзы, которые прикреплялись к круглому надбровному обручу по кругу. Ножка каждой Т изгибалась, все ножки встречались на вершине шлема, где соединение закрывалось держателем для пера. Зазоры между Т-образными секциями заполнялись железными пластинами, прикреплявшимися к внутренней части Т-образных секций. Уши воина были прикрыты отдельными пластинами. В погребении сохранились следы кольчуги, которая прикрывала шею и уши, свисая с нижней части шлема. Шлем, по всей видимости, изнутри был выстлан кожей, за эту кожаную основу на подвязках крепилась часть кольчуги, закрывающая уши, причем уши от кольчуги также отделял кусок кожи. Предполагается, что данный тип шлема с его позолотой и декоративно выполненной поверхностью был скорее символом ранга, чем реальным элементом вооружения для битвы. Шлем для маленького мальчика примерно этого же времени, найденный в Кельнском соборе, был сделан целиком из кусков рога; узкие полосы латуни прикрывали места соединения. От шлема осталась часть выстилавшей его ткани, закрывающие щеки пластины из рога и защищающая шею кольчужная сетка. Остальная часть вооружения была такой же, как и в последнем описанном выше погребении. А вот шлем, найденный в Бретценхайме около Майнца, был более прочной конструкции. Его основой были две железных полосы, начинающиеся на вершине шлема и идущие далее вниз для соединения с железным надбровным обручем. Промежутки между полосами были заполнены железными пластинами (шлем был разбит во время Второй мировой войны). Этот тип не имел держателя султана на вершине, что характерно для аналогичных шлемов, изображенных, к примеру, в рукописи, хранящейся в Лейденском университете под кодом *Codex Petizoni 17* (рукопись была украшена цветными рисунками в аббатстве Санкт-Галлен примерно в 950 году). В рукописи шлемы имеют несколько разновидностей деталей, защищавших шею, но определенно у них нет каких-либо отдельных частей, защищавших щеки.

Еще один шлем бретценхаймского типа, целиком из железа, был найден в могиле в Тривьере в Геннегау (Эно). Там же были обнаружены меч, ангон, небольшой нож и легкий металлический топор. В могиле в Лавойе около Сен-Жермен-ан-Ле, Франция, относящейся, судя по датировке монет, к 474 – 491 годам, были найдены три легких наконечника копий, меч, шишак щита и *scramasax* (длинный нож с одной заточенной стороной).

⁴ *Pirling R. Germania. XLII. 1964. P. 188 – 216.*

Насколько известно автору этих строк, до сих пор каких-либо следов нательных доспехов не найдено ни в одной даже самой богатой могиле франков. Похоже, это подтверждает слова писателей того периода, что доспехов франки не носили, но, с другой стороны, были и авторы, согласно которым доспехи у франков были. Это может означать, что доспехи были слишком ценны, чтобы погребать их в могиле. Даже в VIII веке, когда защита тела, по всей видимости, стала более распространенной, законы рипуарских (так называемых речных. – *Пер.*) франков оценивают двенадцать *brunia* – возможно, рубах из кольчуги – в двенадцать *solidi* (солид – золотая римская монета весом 4,55 грамма (1/72 римского фунта), выпущенная императором Константином в 309 году; солид был заимствован у Рима германскими народами и стал основной денежной единицей раннего Средневековья в Западной Европе. – *Ред.*), что является эквивалентом цены двух лошадей или двух шлемов. Галло-римляне времен империи очень часто изображаются в кольчужных рубахах. Примером этого является каменный воин из Вашера, ныне находящийся в музее Авиньона. Алеманны (швабы), лангобарды и авары – то есть народы, с которыми франки поддерживали контакты, – известны тем, что имели пластинчатые доспехи.

Святой Григорий описывает графа Лодаса Турского как появившегося *cum toracibus et logisticis*. Если это не просто повторение освященной веками фразы, взятой из Ливия, это может означать нательные доспехи, вдобавок к *logica*, про которую Григорий везде указывает, что она является кольчугой, когда говорит, что защитное одеяние оказалось *a circulis loricae*, из колец нательной кольчуги. *Thorax* по-гречески означает нагрудную пластину или кирасу.

Умбоны щитов франков V – VI веков являлись коническими. Конус имел короткую цилиндрическую основу, которая загибалась на конце; за этот загнутый край умбон крепили к поверхности щита. Такой умбон, к примеру, был найден в богатой могиле в Вермане, Франция (на севере департамента Эно). На этот умбон было наложено серебро, а по кромке он был украшен имитацией гвоздей с большими шляпками из халцедона. Позднее умбоны стали либо сферическими с более узкой шейкой, как на щитах лангобардов, но с шишечкой на короткой ножке на вершине купола, либо имели более сглаженный конический купол с аналогичной шишечкой. Следы обугленного дерева в могиле в Вермане позволяют предположить, что диаметр щита составлял примерно 80 см. К концу VII века умбоны с высокими куполами острой конической формы стали общепринятыми. Железная полоса, прикрепленная вертикально так, что она проходила внутри прямо по центру щита, давала хват для руки. Отверстие для руки в центре детского щита, найденного под Кельнским собором, имело форму расходящегося в стороны отверстия для ключа. Вертикальная рукоять пересекала узкую часть отверстия. Рука проходила внутрь через среднюю узкую часть ключеобразного отверстия, и пальцы захватывали рукоять (скобу) там, где была «бородка ключа». Сам щит был изготовлен из дерева и покрыт кожей.

Меч времен Меровингов имел в среднем длину 85 см, ширину 5 см и был заточен с двух сторон. Клинок имел одинаковую ширину почти на всем протяжении, наконечник при этом был сравнительно тупым. Рукояти таких мечей были довольно похожи на рукояти, описанные у лангобардов. В нескольких случаях перекрестье сохранилось полностью, поскольку было изготовлено из золота, в котором были установлены драгоценные камни, как на мече короля (точнее, вождя; первым королем франков был сын Хильдерика и внук Меровея Хлодвиг. – *Ред.*) Хильдерика (ум. 481), найденном в 1653 году в его могиле близ Турне. В могиле также обнаружили кольцо, на котором было имя короля и его изображение. Подвешивание мечей эпохи Меровингов осуществлялось на ремешке, проходящем под двумя короткими металлическими пластинками, прикрепленными к передней части деревянных ножен в нескольких сантиметрах ниже входного отверстия для меча. Верхушка ножен была защищена коротким выступом, установленным на U-образном или J-образном ободке.

Кассиодор, секретарь остготского короля Теодориха (493 – 526), благодарит вождя германского племени варинов за подаренные музыкальные инструменты, мальчиков-рабов и мечи. Мечи он описывает следующими словами: «Ваше Братство выбрало для нас мечи, способные убить даже через доспехи, их я ценю больше за их железо, чем за золото на них. Они отполированы так чисто и великолепно, что отражают малейшие детали лиц людей, которые смотрят на них. Их края идут вниз так ровно к самому концу, что можно подумать, что форма им была придана не напильниками, а они были отлиты в печи. Центральная часть их клинков, с умело нанесенными канавками, кажется прорезанной маленькими змеями, и здесь переливаются такие разные оттенки, что кажется, что сверкающий металл перебит множеством цветов. Металл заострен вашим точильным камнем и энергично полировался вашим полировочным порошком до тех пор, пока стальной блеск меча не стал зеркальным. Порошок дарован вам изобилием природы ваших земель, так что обладание им принесет вам невиданную славу»⁵.

По всей видимости, варины в те времена проживали в бассейне Эльбы (в первых веках нашей эры там же, в нижнем течении Эльбы, жили и лангобарды – на левобережье, а варины на правом берегу. – *Ред.*) – районе, где мягкий абразив, называемый *kieselguhr*, находили в земле и использовали с древних времен. Именно он мог быть «полировочным порошком», о котором говорится в письме. «Умело нанесенные канавки» на клинке, будто «прорезанном маленькими змеями», точно соответствуют узорам на мечах, найденных во множестве варварских могил. Канавки, которые многие современные писатели называют чеканкой, представляют собой желобки, идущие по каждой стороне клинка к центру почти до точки, где «змеи», переплетаясь, образуют извивающийся узор, созданный различным химическим составом скрученного железа (стали), используемого для изготовления центральной части клинка. Современные эксперименты показали, как могли изготавливаться такие клинки. Основу составляло большое число параллельных полос (прутков, проволок) металла, сваренных в одно целое в горячем виде при помощи ударов кузнечного молота. Каждая из этих полос сама по себе была изготовлена из нескольких закаленных полосок (прутков, проволок) стали, помещенных, как наполнитель в сэндвиче, между проволоками из незакаленной стали. Закалка, в результате которой получалась основа клинка из мягкого ковкого металла (малоуглеродистой стали) и периферийная часть меча с большим содержанием углерода (и, таким образом, более твердого), могла осуществляться многократным нагреванием в огне на древесном угле. Один конец «сэндвича» из прутков (проволок) и полосок сваривался (с использованием ковки) вместе, а другой помещался в тиски. Сваренный конец скреплялся щипцами, после чего металл нагревался до желтого цвета, и заготовка меча плотно скручивалась и проковывалась, что сваривало вместе все компоненты. Прутки на каждой стороне служили для заполнения спиральных пустот, получающихся при скручивании полосок. Две таких скрученных полосы могли быть приварены к сторонам третьей, чтобы создать центральную часть лезвия, в то время как еще одна полоса закаленной стали приваривалась вдоль всей длины будущего меча на каждую сторону и закручивалась вокруг нее там, где будет режущая кромка. После этого напильниками клинку придавалась нужная форма, а затем, в большинстве случаев, осуществлялись закалка и отпуск. Закалка заключалась в быстром охлаждении металла с высокой температурой погружением в воду или масло, чтобы сделать металл твердым и хрупким. Отпуск осуществлялся нагреванием металла до выбранной температуры, определявшейся по цвету металла, после чего металлу давали возможность медленно охладиться. Это уменьшало внутренние напряжения и ломкость, вызванные закалкой, и делало клинок гибким. Лезвие после этого обычно точили и полировали, после чего на поверхность при помощи слабой кислоты наносили бороздки. Разъедая поверхность на небольшую глубину на более мягкой части железа, кислота создавала перекрещенный узор.

⁵ Davidson H.R.E. The Sword in Anglo-Saxon England. Oxford, 1962. P. 105 – 109.

Этот сложный метод изготовления, который определенно уже использовался к концу II столетия н. э., по-видимому, возник из-за того, что трудно было найти большие куски стали одинакового качества для целой заготовки, что порождало необходимость смешивать худший металл с лучшим для минимизации недостатков первого. Результатом становились исключительно острые, гибкие и крепкие клинки. Во многих погребениях были найдены точильные камни, необходимые для того, чтобы поддерживать оружие в хорошем состоянии. Законы рипуарских франков приравнивают стоимость меча и ножен к семи солидам, в то время как меч без ножен оценивался только в три. Ножны, найденные в Кляйн-Хюнингене, были изготовлены из дерева и покрыты резьбой. Сверху и изнутри они были выстланы кожей. Следы шерстяной подкладки ножен были обнаружены во всех местах расселения франков, а во франкской могиле в Орсе находились ножны, выстланные овечьей шерстью; шерсть предохраняла ножны от повреждения клинком. Возможно также, что натуральный жир в шерсти предохранял клинок от ржавления. Иногда ножны были покрыты декоративными металлическими пластинами, как на мече VII столетия, найденном в Гутенштайне, Баден.

В V веке в могилах вместе с мечами стали появляться большие ножи, заточенные с одной стороны. Возможно, именно их Григорий Турский называл *scramasax*. К примеру, один такой нож был найден в могиле франкского короля (вождя. – *Ред.*) Хильдерика вместе с легким метательным топором. К VII веку *scramasax* получил более или менее повсеместное распространение, заменив метательные топоры. Ножны для этого типа ножа состояли, похоже, из сложенного вдвое куска кожи, концы которого были соединены заклепками на стороне заточенного лезвия. Ножны этого типа можно видеть на резьбе по дереву на большей части Северной Европы, а в некоторых могилах сохранились на своих местах даже сами заклепки. Ножны у ножа Хильдерика имели множество драгоценных камней в верхней части и на стороне режущей кромки ножа, но у нескольких других найденных ножей был только металлический край, прикрывающий соединение половинок кожи. *Scramasax* в могиле мальчика под Кельнским собором имел ножны, содержащие маленький нож, положенный перед главным оружием.

Легкий метательный топор (франциска), который был характерен для франков раннего периода, с небольшим железным обухом имел примерно 16 см от верхушки обуха до режущей кромки узкого лезвия, причем передняя часть лезвия выступала больше, чем задняя. В середине лезвие топора было узким, а дальше к обуху (где имелось отверстие для топорича) изгибалось, так что топор несколько напоминал S-образную кривую. Топоры более позднего времени имели более широкое лезвие ближе к режущей кромке, а передняя часть лезвия стала выступать вперед больше, чем задняя. Топор через отверстие в обухе насаживался на топориче; в конец топорича вколачивался железный клин, что заставляло дерево топорича раздаваться в стороны и тесно закрывать отверстие в обухе топора. Иногда дополнительно топор крепился посредством железных штифтов, которые через отверстия в обухе вбивались в топориче. Несколько топоров украшены серебряной и медной инкрустацией (фото 1).

Ни в одном из самых ранних описаний франков не упоминается использование лука как боевого оружия, но в могилах очень часто встречаются наконечники стрел. Упоминается, что ранние франки применяли отравленные стрелы, причем определенно не для охоты (а против римлян и др. – *Ред.*). Григорий Турский описывает использование отравленных стрел франками против римлян, но в намного более ранние времена, чем в те, в которые он писал.

О тактике франков известно мало, но Агафий пишет, что франки дважды атаковали позиции восточноримской (византийской) армии, построившись клином. (В бою на реке Касулина у города Капуя в древней области Кампания, недалеко от Рима, в 554 году 30-тысячное пешее войско франков, построившееся клином и атаковавшее, было уничтожено 18-тысячным восточноримским войском Нарзеса. – *Ред.*) Они, похоже, переняли кое-что у римлян, поскольку святой Григорий несколько раз упоминает, что франки в своих кампаниях использовали палатки. Сент утверждает, что во время осады Конвена франки использовали «фур-

гоны, оснащенные таранами и покрытые плетенкой или досками. Под прикрытием этих фургонов войска могли продвигаться вперед и разрушать стены». Это осадное орудие определенно имело римское происхождение. Защитники, тоже франки, обрушивали на осаждавших целый град камней, выливали из сосудов смолу – предположительно, кипящую – и масло, возможно, для того, чтобы ноги штурмующих скользили. Позднее атакующие пытались заполнить фашинами ров перед стеной, но были отброшены.

Организация

В начале периода экспансии франков, когда войны, переходя из одной в другую, практически не прекращались, власть франкских королей (до Хлодвига – вождей. – *Ред.*) постоянно росла, поскольку короли и их личные отряды наносили главные удары в сражениях и, таким образом, получали право на самую значительную часть добычи. Почитание галло-римлянами императорской власти перешло на тех, кто победил (напомним, что Хлодвиг захватил в 486 году так называемое государство Сиагрия – осколок Западной Римской империи, сохранившийся после того, как в 476 году последний западноримский император Ромул Августул был свергнут с престола германским военачальником Одоакром. – *Ред.*), и в конечном счете оказало влияние на чувства самих франков по отношению к своим королям. По мере расширения земель франков созывать прежний народный совет стало труднее, собрания стали реже, контроль собраний над действиями королевской власти постепенно уменьшился, и всего через несколько поколений на правителей уже никак не действовал голос народа. Собрания стали проводиться только раз в год, в марте, на «мартовском поле», откуда в свое время началось множество военных кампаний.

Управление в конечном счете всецело перешло в руки короля. Административное управление стали осуществлять приближенные монарха. Его приближенные, известные как *antrustiones*, были связаны с ним клятвой верности; те, кто составлял в прежние времена личный боевой отряд (дружину), стали теперь министрами и чиновниками, продолжая оставаться воинами. Самым главным из них был майордом, маршал (граф конюшни), граф дворца, служивший в качестве советника короля, казначей и секретарь – последний почти всегда был галлом, поскольку образованных франков было очень мало. Законы салических (приморских. – *Пер.*) франков позволяют судить, что *antrustiones* включали римлян и вольноотпущенников, а также свободных франков, поскольку каждая из этих групп имела право на вергельд (штраф).

Местное управление осуществляли графы (*comes*), которых выбирал и назначал король. Граф руководил либо одиночным районом (*pagus*) племени в местах расселения франков, либо одиночным *civitas*, городом и зависимым от него районом в галло-римском районе – административной территорией, сохранившейся от римских времен. Графы были ответственны за сбор налогов в своем районе, мобилизацию и руководство военными силами, осуществление правосудия с помощью выбранных ими же чиновников. Заместителем графов был *vicarius* (позднее виконт), в то время как руководство на более низком уровне осуществляли сотники (*centenarii*), названные так по разделению по сотням, вероятно из-за первоначального деления земли по сотням крестьянских хозяйств. Сотники председательствовали в местных судах и возглавляли местные силы. Порой, особенно в приграничных провинциях, несколько графов возглавлял герцог (*dux* или *Herzog*) для координации обороны, предотвращения конфликтов и, в случае необходимости, для руководства военными силами нескольких графств. В галло-римском регионе это звание соответствовало званию патриция в прежнем Риме.

Поначалу налоги, по всей видимости, собирались только в бывших районах Римской империи. Теудеберт (ум. 548), как утверждается, был первым, кто обложил налогом своих франкских подданных, подвигнув их этим на восстание.

В очень ранние времена каждый свободный франк обязан был нести военную службу в войске короля. Позднее, похоже, только один мужчина из каждого крестьянского хозяйства брался на службу, поскольку известен случай, когда сыну разрешили вступить добровольцем в армию, чтобы занять место отца в военной кампании. Срок службы теоретически был не ограничен и зависел от воли короля, но фактически нужды сельскохозяйственного производства ограничивали время военных кампаний тремя месяцами, разделяющими посевную и уборку урожая. К VIII веку штраф за неявку во время призыва составлял у франков шестьдесят солидов, цену шести лошадей, а для римлян, вольноотпущенников или вассальных крестьян церкви – тридцать солидов. До времени Карла Великого воины должны были сами обеспечивать себя продовольствием. Если это встречало трудности, дисциплина падала и начиналось мародерство, даже на дружественной территории.

Плохую дисциплину и организацию в армиях франков отметили несколько писателей того времени. Византийский император Лев VI в своей «Тактике» упоминает, что франки исключительно плохо слушались своих вождей и дезертировали в трудных обстоятельствах. Графов назначал король, они не имели племенных или семейных связей в своих графствах, и их личный авторитет среди солдат был, таким образом, невелик. Когда король франков Гунтрум спросил о причинах катастрофического провала военной кампании против вестготов в Септимании в 586 году, то получил следующий ответ: «Никто из солдат не боится своего короля, никто не уважает герцога или графа; и если кому-то случится ополчиться на это бедствие и... он попытается навести дисциплину, немедленно возникает недовольство и вспыхивает мятеж, а к командирам возникает такая ненависть, что если человек не хочет мириться с плохой дисциплиной, то рискует расстаться со своей жизнью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.